

ОДИНОКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
НАКАНУНЕ
ЗИМЫ

Андрею Иллешу

Среди стынущих осенних гор

Широкая горная долина, где рождалась река, была хорошо укрыта снегами. В этом году рано, в начале сентября, повалило. Снег не переставая шел четверо суток. Насыпало так, что местами лось не проходил. Потом вернулось тепло, полдневные склоны и мари прорезались темной рябью камней и кустов, но снег уже лег основательно, до весны.

По утрам через перевалы со стороны Байкала выползали высокие, похожие на облака туманы, опускались в долину и завешивали все седыми, рваными понизу шторами. А вскоре так же легко затягивались обратно. Так бывало по нескольку раз за утро, и казалось, что озеро дышит. Дни стояли солнечные, тихие. В полдень пекло, таяло, кедровый стланик с пугающим шорохом распрямлялся из-под тяжести снега. Река негромко плескалась на перекатах.

Старый ворон сидел на кедре с обломанной вершиной и меланхолично смотрел то на скользящую под ним воду, то, склонив голову вбок, задумывался куда-то вверх по склону. Там, за редким листовенничным леском, уже ничего не было. Темные каменные осыпи, укрытые снегом, и холодное чистое небо.

Медведица, дневавшая в стланиках с медвежонком, встала, потянулась, прогибая спину, высунула морду из-под пушистой кедровой лапы, изучая склон. Тут же и малый вскочил и тоже уставился вниз по долине. Они переходили с берега Байкала поближе к ленским кедрочам, где был урожай орехов, следы многих косолапых вели туда, и мамаша была осторожна.

Солнце садилось, лодка медленно плыла в тени высокого берега.

Я ткнул веслом в снег, он был жесткий, рассыпчатый. Руки подмерзли. Река впереди плавно уперлась в вылизанную водой скалу и исчезла из виду. Я причалил, привязался за куст жимолости и пошел смотреть.

Водопад был метра три-четыре, из-за малой воды падал отвесно и на камни. Надо было разгрузиться и обносить лодку, а я стоял на гладком валуне над рекой, глядел на падающую с грохотом воду, шурился на солнечные блики, на горы и, то ли от радости, то ли еще от чего, осторожно, опасаясь что-то здесь нарушить, улыбался. Солнце уходило за хребет, белые снега начинали синеть, а небо сияло ясным светом непозднего вечера.

Я стоял один среди стынувших осенних гор, и впереди у меня было две сотни верст такой вот безлюдной прекрасной реки.

Как я попал сюда, в верховья Лены, в начале октября, долго рассказывать. Так уж вышло, если коротко. Сегодня утром с двумя инспекторами заповедника занесли мы с Байкала через таежный перевал мое снаряжение.

Первый день на реке всегда особенный, подзабытые за год ощущения возвращаются, принохиваешься и прислушиваешься, невольно вертишь головой, но голова сейчас не помощница. Что-то очень важное и нужное здесь поднимается из глубин и заново знакомит с жизнью. Так было и теперь — я остро чувствовал, как во мне что-то меняется.

Я впервые был на речке один, душа по-детски ликовала от встречи с первозданностью и свежестью окружающего мира, я все время улыбался внутренне и дышал полной грудью, но вел себя осторожно, и это было непривычно: осматривался лишне, искал следы зверей на снегу, думал, не надо ли всегда иметь на плече ружье, которое осталось в лодке. Один идешь тихо: в нагромождении камней и прибрежных скал столкнуться можно с кем угодно.

Один знакомый егерь, заходя в лес, начинал напевать. Такая у него образовалась привычка после того, как он оказался нос к носу с разъяренной медведицей. Она была с детьми. Я тоже пробовал напевать или хотя бы бормотать вслух. Но это было бессмысленно из-за шума водопада, а главное, отчего-то жутко стыдно, и петь я не стал. И все же я кряхтел и прокашливался без нужды, поднимаясь на терраску и не видя, что там за перегибом. Проще, конечно, было взять ружье на плечо, но я почему-то этого не делал. То ли не давал волю страху, то ли не хотел считать себя трусом.

Вечерело, пора было заняться лагерем, но ничего подходящего не наблюдалось. Берега, заросшие низким густым кустарником, или невысокие скалы, левый поворот сменялся правым. Я вертел головой по сторонам и скорее любовался осенними красками, чем искал

стоянку. И почему-то совсем не опасался, что ночь застанет меня на воде.

Рябенькая самочка чирка неожиданно вылетела из-под берега и плюхнулась недалеко передо мной. Когда лодка приблизилась, утка, явно не понимая, что я такое, снова перелетела недалеко. Так повторилось несколько раз. Из четырех банок тушенки две мы съели с моими помощниками после перевала, а, с некоторой точки зрения, уточка как раз и была банкой тушенки. Стрелять в нее, однако, было совершенно невозможно... да и эхом греметь по безмолвным горам не хотелось. Так мы с ней и плыли. Она впереди, я за ней. Показывала мне дорогу.

В начале седьмого увидел ровную и длинную косу под высокой скалой. Она была по-зимнему глубоко уже укрыта снегом. Место было неплохое. Я причалил и достал бензопилу — у подножья скалы лежало присыпанное снегом толстое дерево. Это был кедр, почти не гнилой, тяжелые чурки отваливались одна за другой, пила резво верещала, насилуя ущелье громкими и неуместными здесь звуками.

Разгреб снег под костер, чурки перетаскал в кучу. Солнце садилось и подгоняло, а настроение поднималось. После хорошего дня, после перевала и обносов... у костра посидеть, чайку попить... я таскал вещи и бормотал: «Господи, за какие заслуги все это мне?» И улыбался с благодарностью, и стеснялся этого своего невольного бормотанья, как будто кто-то, кроме Него, мог меня здесь услышать.

Дело было не только в привычной радости от сплава. Мне стукнуло пятьдесят два, жизнь начала меняться,

я это чувствовал — может быть, поэтому и был сейчас на реке один.

Одиночество придумали не вчера, оно ко всем приходит в свое время. Дети выросли, им, естественно, захотелось свободы, у жены обнаружилась своя жизнь, как будто бы вполне отдельная от меня, друзья сделались тяжелее и скучнее, и я подрастерялся, не зная, что со всем этим делать. Так и оказался здесь — попробовать, как оно, одиночество, в чистом виде. Есть ли на него силы?

Солнце опустилось за гору, подсвечивало еловое и кедровое воинство на хребте, стало резко холодать. Поторапливаясь, вытоптал в снегу место под палатку и уже развернул ее было, но задумался. Вспомнил слова охотоведа на берегу Байкала:

— Я бы не стал ставить палатку — тебя все видят, ты никого! Лучше под тентиком, костер опять же всегда поправишь.

Человек все же зависимое существо, особенно в таких вот необычных ситуациях. Я не стал ставить палатку. Приволок лодку и привязал к ней тент. Другой конец, обращенный к костру, поднял на веслах. Невысоко, но аккуратно вышло. Разжег костер, когда уже стало темнеть.

Было сумрачно и тихо. Далеко-далеко окрест не раздавалось ни звука. Лена монотонно шумела, иногда ясно было слышно, как перекатываются камни по дну. Я расстелил палатку, сверху разложил коврик и спальник. Вышло неплохо. Со спины прикрывал тент, а впереди горел кедровый, тихий и почти не бросающий искр костер.

Глотнул виски. Тьма окончательно спустилась в мое ущелье. Ни луны, ни звезд над головой, костер горел высоко, и вокруг ничего не было видно. В свете фонарика вода отблескивала холодно. Снег на склоне. Скалы, кусты тальника. Сильный луч доставал до леса на повороте реки. Очень непривычно было, в прежние сплавы рядом звучали голоса друзей, теперь же всюду царили ночь и безмолвие. Костер потрескивал, речка однообразно выводила свою вечную песню.

Есть не хотелось. Я повертел в руках банку тушенки, открыл ее и поставил на угли. Просто так открыл, чтобы что-нибудь сделать — на часах было всего полдевятого. Ложиться рано, и вообще все было так необычно, что я, всегда находивший себе дела, теперь просто рассеянно сидел у огня. Даже не думалось ни о чем.

Еще приложился. Виски был холодный. Вкус не чувствовался. Поставил банку с кипящей тушенкой на утопанный снег и взял ложку. Я не ел с перевала, много работал, холодно было, в конце концов... я должен был хотеть есть, но я не хотел... У меня так бывает — когда вокруг много красоты, наступает восхитительное оцепенение. Самый простой случай — когда рядом очень красивая женщина.

Дров подбросил, положил рядом ружье, натянул лыжную шапочку на уши, чтобы поменьше слышать, и просто лежал, укрывшись спальником. Смотрел в огонь. Часы показывали полдесятого.

Костер разгорался, взметывал легкое желтое пламя, иногда щелкал и выстреливал пучком искр. Они долетали до тента и гасли. На небо выползло немного звезд. Река все шумела. Я засыпал, сознание начало ломаться, и тело двинулось куда-то, где оно не зависело от меня,

и тут я услышал громкий, нарастающий и непонятный гул и плеск шагов по воде. Я замер с бешено колотящимся сердцем, пересилил себя и, скинув спальник, сел. Фонарик блуждал по мокрым камням в реке, ощупывал их зачем-то, потом пополз по берегу. Я знал, что там никого нет, но продолжал вести луч по склону. Снег, кусты, скалы и снег, и никого, ничего...

Я посидел, тупо глядя в огонь и думая, что так не выплюсь, снова как будто решительно залез в спальник и закрыл глаза. Не спалось. Я вертелся с боку на бок, зевал, думал о чем-то необязательном, гнал от себя мысли, а уснуть не мог. В который раз уже вспоминал медведей, которых видел немало, понимал, что зверь не сунется, не предупредив, ему тоже надо сначала понять, к кому он лезет... не помогало. Я искрутился, иззевался, иногда казалось, что вот-вот засну, но, когда начинал проваливаться в сон, в этот самый момент, возможно чем-то важный для человека, в ушах опять возникали необычные звуки — то плеск воды, то громкие и отчетливые шаги.

Я, доверяя свою жизнь ушам, был почти стопроцентное животное, и в этом смысле мало отличался от первобытного своего предка, даже куда ближе был к нему, чем к близким, что спали сейчас в Москве. Московские уши не различают таких шумов.

Заснул, когда небо начало предрассветно сереть. И проспал до одиннадцати.

Надо было подниматься, но я лежал под спальником, зевал мутно и не шевелился. Было отвратительно пасмурно, мгла висела над рекой. Верха каньона не было видно в сыром облаке. Казалось, темные стены уходят так высоко, что отсюда вообще нет выхода.

Собираясь сюда, я не предполагал, что так будет, я вообще не думал, как буду спать... Следующая ночь будет такой же? Мысль не была режущей и не вызывала страха, но думать об этом не хотелось. Когда я ехал один, я на что-то рассчитывал. На что? Пока это было непонятно.

Костер почти погас и раскатился. Я приподнялся на локте, сдвинул едва дымящиеся головешки, нашел какую-то этикетку, подсунул, посмотрел, как она обугливается, и, понимая, что так не разжечь, полез из спальника. Было морозно. Снег у костра стеклянно и грязно похрустывал под галошами.

Выпил чаю с бутербродом, поставил воды для кофе и снял тент. Лагерь мой раскрылся и превратился в скучный бардак из разбросанных шмоток. Сумки, гермомешки, спальник на коврик, примерзшая к земле палатка, весла, удочки, подмокший рюкзачок, парящий у костра, патроны, навигатор, прозрачные пластиковые банки с мукой, чаем, кофе, топор, веревка, насос, у берега канистра с бензином, ремнабор. Я долго ходил среди этого барахла и раскладывал его кучками вдоль тропы на застывшем снегу. Пытался определить, что в какой сумке поедет. Получалось бестолково. Сумки выходили полупустыми, места в лодке было с избытком, вся моя укладка лишалась смысла. Я рассматривал камни, торчащие из воды по всей реке, безнадежно серое небо. Настроение было на нуле.

Так у меня все и было развалено, сам я в свитере и галошах сидел у костра и второй раз пил кофе. В час дня, разрешая ситуацию, посыпался обильный мелкий дождь.

Вскоре я спихнул лодку на воду. Все было уложено, пусть и не так ясно, как хотелось, но уложено, увязано и затянуто тентом. На мне были непромокаемая куртка с капюшоном, такие же штаны и высокие сапоги. Все было более-менее, я хмуро вел лодку в поводу, протаскивал между камней, сам вспоминал глупые ночные страхи и думал, что моя жизнь если кому тут и нужна, то только мне.

Мелкие капли дождя закручивались ветром под капюшон и текли по лицу.

В каньоне

Речка сужалась, становилось глубже, скальные берега поднимались все выше. Я сидел на корме, подруливал с одной стороны, лодка слушалась. Из-за малой воды скорость выходила небольшая, мне сегодня не дойти было до середины каньона.

Дождь прекратился, было хмуро и тихо. Гулкие, покрытые трещинами скалы над головой местами заросли мхами. На выступях и карнизах лежал снег, тяжелые наросты сосуллек гроздьями в несколько этажей свисали тут и там, по разломам пучились натеки белого, сероватого льда. Пахло каменной сыростью и холодом.

Каньон все время петлял. Я чалился перед опасными закрытыми поворотами, вытаскивал лодку на снег и шел смотреть. Серьезных препятствий не было, иногда река наваливалась гибким прозрачным телом на скалу, пенилась, но быстро успокаивалась. Вода была низкая, осенняя, силы в ней не было.

Ближе к вечеру из скалистого ущелья, заросшего кедровым стлаником, пришел большой ключ, воды добавилось, речка повеселела, и я слегка обнаглел — пошел без разведки: вылетал из-за поворота, не видя, что за ним, и разбирался с камнями и прижимами по ходу дела. Душа пела безрассудную песню молодости.

Так я и вляпался. Это было самое узкое место каньона, скалы, зачалиться негде. Скорость увеличилась. Меня вынесло из-за поворота — впереди скала перегородивала реку. Вода исчезала куда-то вниз и налево, там могло опрокинуть. Я замахал веслом, перегреб поток, стараясь увидеть хоть что-то... река, разделенная камнем, двумя водопадами с грохотом падала вниз. Выбора не было — все было плохо! Я судорожно греб короткими гребками, стараясь хотя бы не зацепить камень, спина и руки трещали... река бугрилась пульсирующими валами, картина неизбежного переворота мелькнула в голове, но вдруг река подо мной вспухла и легко вытолкнула лодку на камень. Все замерло. Лодка дрожала и подскакивала, под кормой, прихватывая ее, проносились тонны дикой воды. Рядом с грохотом и ревом воевал со скалой громадный вал.

Лодку подняло и боком потянуло в слив, я, не думая, выскочил на камень и довернул нос, прыгнул в падающее уже судно. Сзади обрушился поток воды, но он же и вытолкнул. Меня сильно повлекло вперед, ударило о скалу и вынесло на ровное.

В лодке было по колено, сумки плавали, с лица и рук текло, с ободранного кулака капала кровь. Я проплыл некоторое время, соображая, как оно так вышло. Мне крепко повезло — не перевернуло, не порвало, я не

остался на камне и даже не искупался. В руках было ружье, когда успел его схватить?

Причалил, достал котелок и стал отчерпывать воду. Я не боялся воды, это было ясно, не верил, что она может со мной что-то сделать. Мысль была крайне неосторожная, но если бы не она, я не поехал бы.

Напротив из реки торчали два больших камня, за ними образовывались затишья. Отличное место для рыбалки. Я поскреб затылок, глянул на серое небо. Времени на рыбалку не было, но попробовать хотелось.

Собрал спиннинг и аккуратно, никого не пугая, забрел в воду. Посмотрел, как сбиваются струи за камнем. Там могла стоять рыба. Я забросил несколько раз, но никто не заинтересовался моей блесной. Спустился ниже и бросил наискосок под скалку на другом берегу. Издали было видно, как, вращаясь, поблескивает приманка.

Лена хрустально переливалась, только поздней осенью она бывает такой прозрачной.

Я сделал последний, самый дальний заброс и почти уже вытянул пустую блесну, как спиннинг согнулся. Сердце застучало от волнения. Я осторожно подматывал и выходил из воды. Мелькнул желтый бок, это мог быть и ленок, и крупный хариус. Рыба рвалась на струю, легкий спиннинг отчаянно гнулся, мне и хотелось тянуть, и боялся, что сорвется. Аккуратно вывел в тихую воду. Это был ленок. Он устало шел за леской, но, когда я вытянул его из воды, заплясал отчаянно у сапог, разбрасывая снег.

Он был великолепен, я — счастлив. Гладкая коричневая спина в черных пятнышках переходила в желтое

брюшко, красноватые плавники с белой каемочкой недовольно расщеперены во все стороны.

Вскоре пришло два притока подряд, река стала шире и спокойнее. Начали попадаться мысы с густыми кедрами, под которыми, наверное, можно было ставить палатку. Было около нуля, небо серое, я подрабатывал веслом и посматривал на часы, соображая, когда начнет темнеть.

Медведица с медвежонком ковырялись в снегу у воды. Я выплыл из-за поворота и увидел их совсем рядом, лодку прижимало течением к острым скалам, надо было отгребаться прямо на косолапых. Я слегка растерялся, стукнул веслом по баллону и крикнул: «Оп-оп-оп!» Лодку опасно навалило на скалки, я отталкивался веслом и напряженно следил за медведями.

Мамаша, крупная, почти круглая от сытости, поднялась на дыбы, свесив лапы, и смотрела в мою сторону. Я пришелся бы ей по плечо, если бы встал рядом. Это были строгие три-четыре секунды, конечно. Лодка приближалась, покрываясь мурашками, я захопал в ладоши и заорал что-то грозно и даже злобно. Она крутанулась и тяжелыми прыжками рванула вверх по склону, оставляя в снегу глубокие следы-ямы. Малый не сразу расчихал, потом увидел, что матери нет, глянул на речку, на меня, я уже был совсем близко, гаркнул на него, не слишком, правда, громко, опасаясь, что матери это не понравится. Он нехотя, не очень, видно, понимая, чего она испугалась, поскакал следом за мамкой. Это был крупный пестун, размерами вполне с меня. Они взобрались на невысокий хребтик и исчезли в лесу.

Мне было неприятно за свою злобу, вызванную животным страхом. Сделать с этим я ничего не мог. Если

бы она бросилась, страх мгновенно прошел бы, это я знаю точно. Работали бы только руки, а потом пуля. Возможно, я злился не на них, но на саму ситуацию, когда ты вынужден стрелять... Короче, целый клубок чувств, связанных с убийством, они всегда неприятны.

Медведи непредсказуемы. На охотах и сплавах я пересидел много косолапых, они, ясное дело, видели меня еще больше, и все было более-менее, мы как-то расходились.

Последний случай был пару лет назад на берегу Байкала. Мы с моим старым другом Васей поужинали, убрали еду, у костра осталась миска вареных хариусов из ухи, прикрытая другой миской. На Байкале стоял крепкий шторм с мелким дождичком, и мы завалились в палатку в десять вечера. Через час я проснулся от чувства, что у костра кто-то ходит, потом отчетливо услышал, как давится галька под тяжелыми лапами. Оружия у нас не было. Я бряцнул ножом по металлической кружке и услышал грузные прыжки. Мы выбрались из палатки — медведь отскочил метров на пятнадцать и поднялся на задние лапы. Мы разорались так, что самим стало страшно, и он убежал. Утром мы с Васей нервно посмеивались: а если бы он решил вернуться и доест хариусов?

Но не все заканчивается так хорошо. Как-то в Охотске рыжий некрупный медведь увидел меня издали и рванул ко мне. Я клацнул затвором, заорал и замахал руками, но он летел на махах, не сбавляя скорости. Я стрелял с двенадцати шагов. Уже не жилец, он отскочил в сторону и встал на дыбы. Я хорошо помню, с каким недоумением рассматривал он своего убийцу. Так и осталось непонятным, чего он хотел. Ясно только

было — если бы не стрелял, вряд ли бы теперь стучал пальцами по клавиатуре.

Я снова плыл, радуясь не очень сложной и не самой скучной работе. В своих путешествиях больше всего люблю именно плыть, то есть глазеть по сторонам. Берег золотых листвяшек отражается в осенней воде, синица пискнула... И все. Тишина. Смотришь, слушаешь с благодарностью.

Стало смеркаться, надо было присматривать стоянку. Я хоть и не спал толком прошлую ночь, не особенно устал, только погода немного давила. После вчерашнего солнца, синего неба и белоснежных просторов распахнутой долины было слегка тоскливо. Темные стены каньона терялись в мокром молоке облаков.

Речка впереди исчезала за поворотом. Надо было посмотреть. Я ткнулся в камни, вытянул на них лодку и направился к берегу. Под ногами было с полметра глубины и скользко, я шел осторожно, а сам все шурился вперед. За поворотом открывался широкий склон желтых лиственниц, и мне все казалось, что там солнце. Я улыбнулся, подумал, отчего люди так любят солнце, и поскользнулся — со всего маху шарахнулся лицом вперед. Выбрался на берег, стал опускать отвороты сапог, но было поздно — даже по спине текли холодные струйки, в рукавах и сапогах стало мокро. Я подождал, воды не прибавилось, в сапогах вроде не булькало, и я не стал выжиматься.

Надо было табориться, а я все плыл и плыл, терпелся к этой пасмурной погодке и мокрым ногам и млел от окружающего меня снежного и тихого мира,

темной осенней хвои, живой и юной речки и древних, разломившихся и местами осыпавшихся скальных стен. Холодно не было. Я посмеивался над своим дурацким характером, обруливал камни и деревья, склоненные над быстрой водой.

Иногда все-таки думал, как буду ночевать сегодня, буду ли спать. Мысль была не страшной, просто было интересно.

Справа тянулась открытая заснеженная коса, за ней крутой склон. Я причалил. На снегу не было ни следа. Только справа кто-то мог притащиться ко мне.

Так и жили во мне эти двое. Один все чего-то опасался, другой же морщился и делал вид, что ничего не знает о том, первом. Этот смелый почему-то был уверен, что мне не надо ничего бояться. Он и не боялся. Боялся осторожный. Не так, чтоб очень, но... побздыхивал, как говорил покойный отец.

Саня Мальков, охотский друг и опытный охотник-промысловик, по поводу такого раздвоения улыбался спокойно: в тайгу заезжаешь, первые три дня каждого куста шарахаешься, потом привыкаешь.

Снег был мокрый, сумки на него класть не хотелось, под снегом оказалась крупная, косо уложенная галька, разъезжающаяся под ногами. Ровного места для палатки тоже не было. Можно было спать в лодке. Я поднял корму на камни, чтобы лечь лицом к лесу. Достал виски, сел на «буфет» и глотнул как следует. Я был весь мокрый, надо было переодеться и сушиться. Но сначала хотелось просто посидеть.

Елки с неразвитой кроной, в лохмотьях лишайников казались больными, здесь, на высоте полторы

тысячи метров, они все были такие. Вертикальные черные плиты противоположного берега выглядели безжизненно. Густые сумерки спускались в каньон реки, и место мрачнело на глазах.

Я долил бензина в пилу, свалил две нетолстые сушины и стал резать их на чурки, пила опять орала на все ущелье. Великий таежный бродяга, биолог и писатель Семен Климович Устинов считал, что в лесу надо вести себя тихо. «Тогда ты всех видишь раньше, чем они тебя». Неопытному человеку это сложно понять.

«В медвежьих местах живешь, карабин всегда на плече должен быть, — вспоминал свои таежные маршруты пожилой уже Устинов. — Даже когда просто лодку разгружаешь... А спать ложишься, костерок запалить не лишне, чтоб никто на тебя не наступил нечаянно... И сам напугается, и тебя переполошит».

Перетаскал чурки к костру, наколол ворох светленьких еловых полешек, натесал щепок, сложил и встал на колени. Было так сыро, что сухие дрова быстро набирались влаги из воздуха и не хотели гореть. Я нащипал совсем тонко... Костер на людей всегда хорошо действует. Я наложил полешек, посушил руки над все выше поднимающимся пламенем и начал раздеваться.

У меня с детства есть такая игра, называется «Северный полюс». Когда надо сделать что-то быстро, я воображаю, что в лютый мороз нахожусь на Северном полюсе. Я играю в нее, только когда у меня хорошее настроение.

Сейчас надо было переодеться. Это очень страшно — снимать с себя мокрую одежду, когда вокруг белая арктическая пустыня и минус пятьдесят. Страшно и от

этого весело. Я содрал с себя все, прыгал на одной ноге, не попадая в трусы, отчаянно искал рубашку в гермомешке, напяливал, подбрасывал дрова в костер. Наконец сухие носки, рубаха, сухой свитер и шапочка... и еще пуховая безрукавочка сверху. Штаны были влажные, но запасных я не взял, а возле костра оно было ничего. «Северный полюс» опять не успел. Мокрые шмотки тяжелой кучей лежали рядом.

Натянул веревку и развесил одежду. Пока возился, набрал снега в галоши. Сидел, вытряхивал и думал, что не нравится мне этот лагерь. Все вроде сделано, костер горит, одежда сохнет, дрова есть — а какой-то он неправильный. Сырой, ходить скользко, все держится на соплях и, что бы я ни делал, лучше уже не будет. Надо быть честным — место выбиралось из трусливых «медвежьих» соображений. Это было глупо или как-то еще, но я ничего не мог с этим поделать.

Я глядел на себя глазами домашних, от которых свалил с видом серьезного дядьки. В душе была каша, такое впервые было на сплаве.

«Буфет» открыл — все у меня тут было: готовь не хочу. Я и не хотел. Но и перебиваться тушенкой тоже было не здорово, одна банка оставалась. Взгляд мой остановился на ленке, я совсем забыл о пойманной рыбе. Я обрадовался и достал нож.

Ленка, как и почти всех лососей, не надо чистить от чешуи, я выпотрошил, вымыл, порезал на тугие куски и бросил его в котелок, в холодную воду. Так в Охотске варят. Поставил на таганок, поправил огонь и сел рядом на бревнышко. Совсем стемнело. Дров я не жалел, огонь красновато отражался на мокрых скалах другого

берега. Снег начало схватывать корочкой, куртка на веревке задубела от морозца.

Я полез в «буфет» — это такой непромокаемый пластиковый ящик с расходными продуктами, «буфетом» его назвал Захар. Так и пошло. Галоши в качестве вечерней обуви на сплаве тоже он придумал, а еще больше он сделал такого, что осталось в душе. Он был добрый, веселый и все успевал.

Захар умер три года назад на осенней гусиной охоте. Ему было пятьдесят два, как мне сейчас. Был мягкий теплый денек, полдень, он остался в лодке приготовить поесть, а Володька — они с Захаром не разлей вода были — поплыл на куласе собрать чучела. Вернулся, Захар лежит, молча глядя в небо. Володька сначала искусственное дыхание делал, потом просто волосы на себе рвал — это невозможно принять, когда твой друг, смеявшийся десять минут назад, ничего не говорит. И не отвечает на твои вопросы.

Я накрыл на «буфете», сам сел на чурбачок. Налил в кружку и подумал о Захаре. Потом неторопливо ел уху, пил чай, мыл посуду. Все это не заняло времени. На часах было девять, и я опять, как и вчера, поймал себя на том, что мне нечего делать.

У одного человека дел немного. Получается, люди друг другу создают дела. Последний раз мы сплавились вдвоем с Васькой. И все время были заняты. А когда бывали вчетвером-впятером, и вовсе... Я задумчиво крутил сохнувшие вещи у огня. Выходит, желания людские не складываются, а перемножаются.

Еще налил чаю, подбросил дровишек, костер опять поднялся высоко. Звери боятся огня, одобрял осторожный, — значит, с этой стороны никто не придет...

Однажды мы вчетвером сплавились на Колыме. Трое из нас никогда не были на лососевой речке. В первый вечер плывем, присматриваем стоянку, наконец чалимся в отличном месте. Всем нравится. Красиво, дров полно, палатку, предлагаю, здесь поставим. Смотрю, они сошлись вместе и изучают медвежью тропу, натопанную вдоль реки. Следы свежие, понятно. «Та-а-ак, — спрашивают, — это что?!» Хотя по их рожам видно — вопрос риторический. «Парни, — говорю, — следы везде будут. Лосось поднимается, медведь на речке...» Враз им это место разонравилось, я и сказать больше ничего не успел, они уже сидели в лодке с веслами в руках. «Давай, иди сюда!» — говорят. Так мы и плыли до полных сумерек, а когда наконец остановились, следов просто уже не видно было, они натащали и зажгли вокруг лагеря четыре огромных костра. Я тогда над ними посмеивался...

Если бы я умел думать просто так, то сейчас сидел бы и думал. Время было. Увы, просто так не получается, все время сбиваюсь, мне скучно... Мне больше нравится бездумно смотреть в огонь или на реку. В такие моменты я спокоен, сосредоточен, и мысли, не выраженные словами, это как раз то, что надо. В шелесте падающего снега, в шуме дождя, в треске костра и остатках зари над тайгой есть смысл, не нуждающийся в словах.

Постелил палатку на дно лодки, положил сверху коврик и лег. Не спалось. Шумно от воды было, хуже, чем на берегу. Внутри лодки речка иначе гремела, и опять

в момент засыпания шаги, всплески и еще какие-то звуки неведомые являлись.

Я повозился с час, выполз из лодки и раскопегарил костер. Весело затрещало. Под ногами приморозило, похрустывало, в черноте над каньоном показались звезды. И странно: мне вдруг хорошо сделалось. Не уснул вроде, и мысли всякие дурацкие, а вот так...

Когда я один, я серьезен и внимателен и не стесняюсь этого. С кем-то общаюсь мысленно, все интересно, глубина хорошая есть у этого общения. Когда же встречаюсь с теми, с кем так хорошо общались молча, то много чего уже нет. Какие-то шутки, глупости, водка, все поверхностно... адаптируемся, что ли, друг к другу? Это ужасно. Получается, наш общий уровень всегда ниже. Мне всегда хотелось обратного.

Я просто глядел в огонь, вспоминал своих друзей, с кем побродили немало. Был бы кто-то из них... конечно, хорошо было бы. Спокойнее. Веселее. Но не так. В одиночестве есть незащищенность, она и тяготит, но временами я ясно чувствовал еще и детскую радость, что я не один и как будто бы неплохо защищен.

Таня, Степа и Серега

В пять утра от чего-то неясного проснулся. Лежал и не понимал, что происходит. Слишком тихо было. Включил фонарик. Из черноты надо мной густо летели снежинки. Снег — штука тихая.

Окончательно проснулся в полседьмого. Снег шел по-прежнему, из-за него казалось, что темно, но я чувствовал, что ночь уже кончилась. Спальник подмок

и руки тоже... по локоть почему-то, и за шиворотом было влажно. Сверху валило и валило, не переставая.

Вещи засыпало снегом, костра нет, все мокро, темно еще и голая коса — не укрыться нигде. Самое то, чтобы прокиснуть, но я чувствовал, как поднимается настроение. Все надо делать быстро и точно, иначе — конец. Замерзнешь. «Северный полюс»! Не обращая внимания на падающий снег, на то, что сам же и мочу барахло, стал устраивать крышу. Крутился по скользкой гальке с камнями и веревками, с веслами и удочками вместо подпорок... Косовато получалось. Тент был похож на уставшего Змея Горыныча с плохо сложенными перепончатыми крыльями. Места под ними, однако, хватило и вещи развесить, и для дров, и еще мне на коврик. Даже костер перенес под край. Светало. Мокрый и мелкий уже снежок шуршал по крыше. Костер потихоньку разгорался.

Я сидел промокший, но довольный, сушился и пил чай. Как-то все ладненько стало. Расцвело. Спальник, сумки под тентом, одежда на мне — все парило от костра. Колючий еловый дым временами лез в глаза, но это было ничего, а даже и приятно — дым был теплый. Пока возился, ровный белый слой прикрыл лодку, таял и сползал плюхами с бортов.

Колбасу и сыр порезал, нашел в застывшей ухе кусок ленка, зачерпнул воды в котелки и поставил на огонь. Я вспоминал свой рваный сон и думал, что утром, даже таким пасмурным, все совсем по-другому, что ночь — особое состояние природы. И люди, и звери ночью тоже особенные.

Филипп вдруг вспомнился... На одной из африканских охот дело было. Мы шли ночью руслом

пересохшей речки. Нас было пятеро. Профессиональный белый охотник Филипп, трое черных следопытов и я. Следопыты по очереди несли добытого леопарда, у нас с Филиппом было только оружие. Ночь звездная, черная, какой она бывает только в Африке, под ногами речной песок разъезжается, а иногда вдруг лужа зачавкает — все, что от речки осталось. Русло узкое, извилистое, берега плотно заросли кустарником, до них где пять метров, где десять. Наши налобные фонарики время от времени выхватывали темные отверстия звериных лазов в колючей стене.

Я только что добыл леопарда, а до этого были всякие приключения, которые могли сильно плохо кончиться, но они кончились хорошо, и настроение было отличное. Я пытался заговорить с Филиппом, думая, что он тоже доволен, но он отвечал односложно, внимательно рулил следопытом, который светил по сторонам сильным фонарем. Карабин у Филиппа был снят с предохранителя. Я замолчал и тоже стал коситься на черные дыры в кустах, хотя и не очень понимал, чего он боится — двигались мы шумно, слышно было за километр...

Когда вышли к машине, Филипп разрядил карабин, бросил его на сиденье, достал пиво и улыбнулся. Одобрительно ткнул пивной банкой мне в плечо:

— Отличный выстрел. Он умер с куском привады во рту, — кивнул на леопарда.

— А чего ты так опасался на речке?

— На речке? — переспросил Филипп. Он не любил вопросов про опасности.

— Ну да, когда возвращались...

Он перестал улыбаться и посмотрел в темноту, вверх по той самой речке:

— Там тропа... львы были вечером.
— Ты же говорил, они боятся?
— Да... — Филипп качнул головой, — но ночью они охотятся.

Это было нелогично, но очень точно, и я хорошо запомнил. Он говорил о том же: ночь — особенное состояние природы.

Мы забрались в открытый джип и поехали в лагерь. Допили по дороге со следопытами весь запас пива и один из них, бедолага, так и остался спать в кузове...

Снова большими хлопьями густо повалил снег. Все исчезло. Небо, скалы другого берега, деревья в лесу, лодка. Даже речка притихла. Было так беззвучно, спокойно и одиноко, будто окружили чем-то, что вроде и есть, а вроде и нет ничего. Я глядел в рябую сероватую глубину снежной завесы и думал, что всю свою жизнь прожил вот так же — окруженный такой же кажущейся стеной дел и забот. Многое так и осталось за ней. Таню вспомнил, мы вместе прожили двадцать пять лет... Я сидел, уткнувшись взглядом в мокрую, черную и блестящую гальку под ногами. Я не умею долго думать о жене: либо расстраиваюсь отчего-то, либо начинаю тосковать.

Река небыстро текла узким руслом. Скал поубавилось, стали подходить заросшие лесом распадки с ручьями и таежными речонками. Я подрабатывал веслом, направляя лодку, поглядывал из-под капюшона, снежинки падали на лодку, на вещи, закрытые тентом. И тут же таяли, и хлопали под сапогами. Мои ноги в этих сапогах, расправленных доверху, были приятно сухими. Под непромокаемой курткой тоже было сухо

и тепло. Есть какая-то наивная радость, когда ты защищен от непогоды. Кажется, что и от всего другого ты так же защищен...

...Три крохали с неожиданным шумом взлетели из-под берега, напугали хлопаньем крыльев, над речкой ровненько потянули. Крупные утки, серые с белыми зеркальцами в середине крыльев. С рыжеватой хохлатой головой и длинным клювом, крючком загнутым на конце.

Как-то весной на медвежьей охоте я наблюдал, как крохали ловили в море селедку. Было это на Дальнем Востоке, сельдь огромными косяками нерестилась вдоль охотского берега, и тут были все: медведи, белоплечие орланы, чайки, топорки, разные утки. Самыми ловкими были как раз крохали, они ныряли в косяк и выскакивали с бьющейся селёдиной в длинном клюве. Рыбины телом были почти как утки, но крохаль перехватывал трепещущую селедку с головы, задирает клюв к небу, и рыба в конце концов оказывалась внутри. У них, правда, не часто это получалось. Чаще отнимали чайки, они не доставали до селедки в глубине и поэтому внимательно следили за крохальями. Огромные орланы косолапыми безрукими пеньками бродили, а иногда бегали вприпрыжку по берегу, наблюдая это безобразие. Им пока вообще мало что перепало. Потом штормануло и набросало на берег и селедок, и ламинарий, обвешанных селедочной икрой. Тут уж все поели...

Я все не мог позвонить. Телефон не брал в каньоне.

Два года назад мы всем семейством сплавились здесь. Мы не шли через перевал, а залетели на вертолете ниже каньона. Конец августа был, плыли по

прекрасной летней речке, рыбачили, купались, пировали, день рождения Сережи как раз пришелся...

Серега, мой старший, двадцать один ему как раз здесь, на Лене, исполнился, мне кажется, равнодушен к природе. Никакого особенного любопытства у него к ней. Может, и зря я расстраиваюсь: обычный городской парень — в Москве ведь ни дождя, ни снега не бывает, ни восхода.

Маленький он был совсем другой. Мы не пропустили ни одного выходного на даче, чтобы не пойти в лес. Жгли костерок из сучочков, жарили на нем сосиски или хлеб. Он очень это любил.

Позже я много брал его с собой, мы охотились в Африке, сплавлялись на Дальнем Востоке. С моей подачи ходил он с друзьями пеший маршрут по байкальской тайге... не помогло. Чем старше он становился, тем меньше в нем оставалось естественной детской тяги, что водила нас в лес «жарить хлебушек». Мне говорят, позже, с возрастом все к нему вернется. Не думаю. Сама жизнь разворачивается куда-то в другую, в силиконовую сторону, и с этим ничего уже не сделать.

Каньон кончался, скалы сменялись невысокими крутыми сопками, заросшими тайгой, меж ними болотины стали попадаться с торчащими из-под снега кочками. По навигатору еще километров пять-семь оставалось до Малой Лены. Там можно было обедать. Дождь, теперь это был просто дождь, то затихал, то снова принимался, я причалил и стал отчерпывать воду. Изрядно налило. Я черпал и осматривался... Наконец разогнулся, окончательно узнавая — я нечаянно